

DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-8-20

УДК 94 (571.1)

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ И ВНЕ ЕГО

Голубев Алексей Валерьевич

Хьюстонский университет,

Хьюстон, США

avgolubev@uh.edu

Аннотация. Статья рассматривает категорию закрытости применительно к советскому обществу. Данная категория часто воспроизводится как в публицистике, так и историографии для описания социального измерения советской истории, где она подразумевает радикальное различие между советским и несветским историческим опытом и рассмотрение СССР через призму «альтернативной модерности» или ее отсутствия. В статье выдвигается ряд возражений теоретического и эмпирического характера против аргументов о принципиальной закрытости советского общества и ее ключевой роли в формировании «советского человека» как исторического феномена. Наряду со страхом и ксенофобией советское общество характеризовалось многочисленными формами космополитизма и интереса к внешнему миру. Многие из них поощрялись государством, другие формировались «снизу» и стихийно. В своем стремлении преобразовать Советский Союз в современное государство советское руководство выстроило сеть институтов, которые соответствовали западным аналогам, а в чем-то даже опережали их (например, социальная медицина и система распространения научных знаний). Эти институты формировали современные практики субъективации через медиализацию советского тела и новые режимы знания. В то же время интенсивная урбанизация сформировала в СССР новые сообщества, чьи социальные вкусы и нормы были сопоставимы с городскими культурами других индустриальных стран, что также стимулировало кросс-культурный обмен через «железный занавес». Как следствие, исторический опыт жизни в СССР означал парадоксальное совмещение государственного контроля и приобщения к многочисленным аспектам глобальной модерности.

Ключевые слова: Советский Союз, историческая антропология, советский человек, социалистическая модерность, социальная модернизация.

Цитирование: Голубев А.В. Советский человек в футляре и вне его // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 8–20. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-8-20 / Golubev A.V. The Soviet Man in the Case and Outside, in Novoe Proshloe / The New Past. 2021. No. 4. Pp. 8–20. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-8-20.

© Голубев А.В., 2021

THE SOVIET MAN IN THE CASE AND OUTSIDE

Golubev Alexey V.

University of Houston,
Houston, TX, USA
avgolubev@uh.edu

Abstract. This article examines closeness as an analytical category in Soviet history writing. This category is often used in popular and scholarly works to describe social aspects of Soviet history and to implicate that the Soviet historical experience was radically different from life elsewhere and that the USSR represented an “alternative modernity” or was not modern at all. The article develops several conceptual and empirical counter-arguments against the claims that Soviet society was fundamentally closed and that this closedness played a key role in the making of the “Soviet man” as a historical phenomenon. Along with its fears and xenophobia, Soviet society was remarkable for numerous forms of cosmopolitanism and interest in the outer world. Many of these forms were encouraged by the state while others emerged “from below” in a spontaneous manner. In their desire to transform the Soviet Union into a modern state, the Soviet leadership built a network of institutions that were on a par, and often were superior, to their Western analogs such as socialized medicine and the state-sponsored system for science communication. These institutions contributed to the making of modern subjectivation practices through medicalization of the Soviet body and new epistemic regimes. At the same time, large-scale urbanization in the USSR formed new communities whose social tastes and norms were similar to urban cultures of other industrialized nations. This further stimulated cross-cultural exchange across the Iron Curtain. As a result, the historical experience of living in the USSR represented a paradoxical combination of state control and appropriation of multiple elements of global modernity.

Keywords: Soviet Union, historical anthropology, Soviet person, socialist modernity, social modernization.

В популярный ресторан заходят модно одетая женщина, несколько пьяных пижонов и мигрант из одной из южных республик СССР. К концу вечера они уйдут, но по-разному: мигранта заберет милиция, женщина покинет ресторан в гордом одиночестве, пижоны отправятся дальше на поиски приключений. Место действия – кафе «Лира» в Москве, автор этой зарисовки – лидер популярной рок-группы «Машина времени» Андрей Макаревич, написавший в конце 1970-х гг. песню про (предположительно) типичных посетителей этого кафе. Интересна она не столько своей этнографичностью, сколько морализаторской позицией лирического героя, находящегося в состоянии меланхолии из-за праздности и мещанства своих сограждан. Осуждая их за неспособность подняться над соблазнами городского стиля жизни, лирический герой Макаревича обнаруживает удивительную созвучность официальной риторике о том, что новый советский человек должен представлять собой творческую и сознательную личность [Брежнев, 1971, с. 114]. Правда, в отличие от речей и статей партийных и государственных деятелей, Макаревичу не было нужды притворяться, что процесс воспитания нового советского человека проходит успешно. Собственно, его критический пафос и заключается в том, что объектом критики выступает не социалистическая система, а населяющие ее люди, неспособные освоить репертуар слов и действий, необходимый для того, чтобы быть «правильными» советскими гражданами. В кафе «Лира» (название как песни Макаревича, так и реально существовавшего заведения, на базе которого в 1989 г. открылся первый в СССР «Макдональдс») мы видим несколько групп советских людей, но лишь одного ответственного советского субъекта: лирического героя, который настолько освоил моральный императив работы над собой, характерный для советской власти и интеллигенции, что крайне болезненно реагирует на неспособность окружающих соответствовать этому императиву в публичном пространстве.

Текущий номер журнала «Новое прошлое» посвящен антропологическому измерению социалистического и постсоциалистического обществ. Вопросы о том, что представлял собой советский человек и как «социалистический тип личности» воспроизводится в постсоциалистическую эпоху, продолжают интересовать уже несколько поколений ученых. В исследовательской литературе в значительной мере утвердилось представление о том, что идеологическое противостояние между СССР и странами Запада, в особенности в период «холодной войны», во многом предопределили мировоззрение советского и отчасти постсоветского человека, в первую очередь, его «замкнутость» и комплекс неполноценности, выявляющиеся в сравнении с космополитизмом условного «западного» мира [Советский простой человек..., 1993; Гудков, 2007]. Впрочем, подобные попытки выделить советского человека как особый «антропологический тип» часто оказываются лишь слегка завуалированным способом объяснить, почему «Россия» не похожа на «Европу», то есть формой критики прошлых и нынешних политических режимов в России. В этой традиции, которая в отечественных социальных и гуманитарных науках восходит к работам Ю. Левады, человек социалистического и постсоциалистического общества изображается через литературную логику «замкнутости» и «открытости», фактически по формуле А.П. Чехова, использованной в названии этого тематического

номера, как «человек в футляре», замкнутый или настороженный по отношению к внешнему миру [Шалин, 2008, с. 101–102].

Характерно, что в современной западной академической среде данная точка зрения не получила фактически никакого распространения. Так, в недавно изданной книге «Голоса с советских окраин: южные мигранты в Ленинграде и Москве», получившей главный приз Канадской ассоциации славистов за 2020 г., Джеф Сахадео сравнивает Москву и Ленинград периода 1960–1980-х гг. с Лондоном и Торонто как (квази)-имперскими центрами, для населения которых была характерна географическая мобильность и мультикультурность, а никак не замкнутость [Sahadeo, 2019]. В монографии Элеоноры Гильбурд «Увидеть Париж и умереть», вышедшей в том же году и также получившей целый ряд призов, в том числе приз за лучшую книгу им. Уейна С. Вучинича американской Ассоциации славянских, восточноевропейских и евроазиатских исследований за 2019 г., выстраивается панорамная картина того, как западная культура осваивалась советским обществом через массовую программу культурного перевода, начиная с середины 1950-х гг. Эту книгу, где символическое пересечение «железного занавеса» рассматривается как неотъемлемая часть советского исторического опыта, можно, по сути дела, интерпретировать как развернутое возражение на аргументы о «футлярности» советского человека [Gilburd, 2019]. Даже применительно к сталинизму, как утверждает Катерина Кларк, тезис о замкнутости советского общества можно принять лишь с оговоркой, поскольку одновременно с риторикой о необходимости борьбы с «низкопоклонничеством» перед Западом советское руководство активно поддерживало переводы иностранной (в том числе современной) литературы, пусть и принадлежащей строго ограниченному кругу «прогрессивных» авторов, рассматривая это как часть амбициозной программы формирования нового советского человека [Кларк, 2018, с. 27–33]. Неудивительно, что одним из основных вопросов западной историографии советской истории стал вопрос о том, можно ли вообще считать Советский Союз «особой» версией модерности, или же те социальные, культурные и политические структуры (в том числе и структуры советской субъективности), которые были реализованы в советском государстве, являются неотъемлемой частью глобальной модерности XX в. [Brown, 2013; Brown, 2015; Хоффманн, 2019; Дэвид-Фокс, 2020].

Понимание социалистической личности в терминах изоляционизма, замкнутости и недоверия не выдерживает и базовой для истории проверки на соответствие историческим фактам. Советские по гражданству, образованию и самосознанию люди были вовлечены в самые разнообразные формы деятельности, не обязательно соответствующие официально признаваемым чертам «социалистического типа личности», но зато имеющие много общего с жизнью в других современных обществах. Многих советских людей в годы «холодной войны» отличала тяга к моде, западной поп- и рок-музыке, альтернативным научным теориям и восточным единоборствам, отличные от нормы сексуальные идентичности и практики, живой интерес к международной жизни и упорное соблюдение религиозных ритуалов. Продуктом урбанизации в СССР оказались культурные формы городской жизни,

которые были по своей сути транснациональными, не сводимыми к условному делению на «западные» или «советские». Сцена, описанная в начале этой статьи, могла состояться в любом городском кафе в Европе, Северной или Южной Америке с тем же набором участников, включая морализирующего наблюдателя (стыд за «некультурных» сограждан, например, описывает историк американского туризма в Франции [Endy, 2004, p. 4]).

Не всегда новый городской образ жизни и связанные с ним увлечения (часто перерастающие в формы самоидентификации) представляли собой протест или форму неприятия официальной культуры и идеологии. Например, в своем исследовании о советских хиппи Юлиане Фюрст показывает, что изначальный толчок для возникновения этой субкультуры был дан публикациями об американских хиппи в советской печати (статьи Генриха Боровика в журнале «Вокруг света» в 1968 г. и Эдуарда Розенталя в «Новом мире» в 1972 г.), где движение хиппи было представлено в позитивном свете [Fürst, 2021, p. 41–44]. Советская уфология возникла как побочный продукт распространения научных знаний: самые первые лекции о том, что Тунгусский метеорит был кораблем с другой планеты, читались в Московском планетарии в конце 1940-х гг. [Голубев, 2021]. Даже культуризм — пожалуй, самый «западный» вид спорта в своей чуждости советскому идеалу коллективного тела — возник после того, как в советской прессе появились статьи об «атлетической гимнастике» сотрудника Института физкультуры Георгия Тэнно, а в 1968 г. в издательстве «Молодая гвардия» вышла его книга «Атлетизм» в соавторстве с Ю. Сорокиным [Golubev, 2020, p. 122–123]. Едва ли можно описать в терминах «советского изоляционизма» сцены из жизни советского общества середины 1980-х гг., когда на улицах и в парках сталкивались с одной стороны металлисты или панки, а с другой — подростки из подвальных «качалок» [Громов, 2006], или когда представители советской интеллигенции начинали практиковать йогу и другие модные эзотерические увлечения [Митрохин, 2020].

Литературность логики о замкнутости советского общества подчеркивается и тем, что многие ее апологеты, особенно работающие на стыке академических и публицистических жанров, открыто апеллируют к Джорджу Оруэллу и Евгению Замятину как к авторам, которые в своих произведениях предположительно раскрыли «суть» советского проекта по атомизации советского общества через насаждение взаимного подозрения, невежества и страха [Sandomirsky, 1951; Геллер, 1983]. При этом в тот же 1947 год, когда Джордж Оруэлл начал писать свой роман «1984» (а одним из лозунгов Партии в романе является «невежество — сила»), постановлением Совета Министров СССР № 1377 от 29 апреля за подписью И.В. Сталина было основано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. известное как Всесоюзное общество «Знание») [ГАРФ, ф. Р-9547, оп. 1, д. 1, л. 5]. Уже в первые пять лет существования общества, то есть еще до смерти Сталина, издательство «Знание» выпустило сотни научно-популярных брошюр и книг, общий тираж которых приближался к 100 миллионам экземпляров [ГАРФ, ф. Р-9547, оп. 1, д. 144а, л. 20; ГАРФ, ф. Р-9547, оп. 1, д. 456а, л. 79; ГАРФ, ф. Р-9547, оп. 1, д. 787, л. 166]. Наряду с лекциями и публикациями патриотического и

догматического содержания Всесоюзное общество с самого начала распространяло информацию, пусть и идеологически ангажированную, о политическом устройстве, социальных процессах, истории и культуре зарубежных стран. В дальнейшем оно сыграло ключевую роль в смене эпистемологических парадигм в советском обществе через организацию публичных лекций и публикацию научно-популярных журналов и книг. Во второй половине XX в. освоение европоцентристского (но понимаемого как «универсальный») канона культуры стало одной из ключевых характеристик советского образованного класса — феномен, который в значительной степени сохранился и в современной российской культуре, и в русскоязычной диаспоре [Rogova, 2016; Gilburd, 2019; Rogova, 2020, p. 111–142].

Так имеет ли какую-то ценность для исследователей советской истории формула советского человека как «человека в футляре»? Представляется, что да, однако не своей концептуальной новизной или эвристическим потенциалом, а как напоминание и предупреждение о том, что стремление к моральной оценке исторических феноменов — в данном случае советской субъективности — и их классификации на более и менее «нормальные» приводит к искусственному навязыванию им заведомо ограниченных концептуальных рамок, заданных не логикой исследования и материала, а той или иной политической и эстетической программой. Подобные рамки подразумевают наличие некоего идеала космополитизма, воплощенного в каких-то иных, «несоветских» структурах субъективности. Но что мы должны принимать в качестве такого идеала? Образованного европейского интеллектуала, говорящего на нескольких языках и с легкостью пересекающего границы между странами и культурами? Представителя советского или постсоветского образованного класса, стремящегося показать свою принадлежность этой космополитичной культуре через критику своих «некультурных», «циничных» и «пассивных» соотечественников (о том, как эта позиция приводит к выхолащиванию и подмене научного анализа риторикой, см. [Козлова, 2005, с. 60–63; Вахштайн, 2012])? Нетрудно заметить, что в обоих случаях ключевую роль в оценке «советского» как девиантного по отношению к некой (часто неопределенной) норме играл социальный антагонизм в советском, а позже постсоветском обществе [Golubev, 2020, p. 110–111].

Эти замечания не означают невозможности неких общих характеристик советского общества и людей, однако представляется, что подобные обобщения гораздо продуктивнее строить через описание форм исторического опыта, которые сводили в советском историческом контексте совершенно разных по темпераменту, складу характера, этничности, религиозности и социального происхождения людей и заставляли их вступать в определенные взаимодействия друг с другом и со сложной институциональной инфраструктурой, создаваемой советским государством в разных сферах общественной жизни. Репертуар этих взаимодействий и составляет то антропологическое измерение советской истории, которое сложилось в условиях централизованной плановой экономики, дидактических усилий советского руководства и интеллигенции по «воспитанию» советских людей, стандартизированной учебной программы и господства русского языка и русскоязычных (не обязательно

русских — часто переводных) культурных продуктов и форм. Именно такой подход объединяет статьи, помещенные в данном тематическом номере «Нового прошлого». Так, в статье «“Свободных квартир совершенно нет”: жилищные условия жителей города Кургана в межвоенные десятилетия XX в.» К.Ю. Кладова (Курганский государственный университет) показывает, как пресловутый «квартирный вопрос» не столько «испортил» (раз уж зашла речь о литературных аллюзиях) жителей Кургана, сколько поставил ребром вопрос о социальной ответственности государства, принявшего на себя функции распределения жилплощади в условиях интенсивной индустриализации и урбанизации в СССР. Левада интерпретировал этот процесс как формирование «нов[ого] тип[а] казарменного индустриального города», составившего, в свою очередь, один из компонентов формирования «человека советского» [Советский простой человек..., 1993, с. 27], но история распределения и перераспределения жилья в межвоенном Кургане показывает, что этот процесс включал в себя другой компонент: освоение партийными органами репертуара действий и высказываний, направленных на улучшение жилищных условий. Именно на узнавании и взаимодействии с этими действиями и репертуарами строились «низовые» тактики советских граждан, стремившихся улучшить свои жилищные условия как до, так и после Великой отечественной войны.

Несомненно, что государственно-партийная система пропаганды оказывала самое непосредственное влияние на то, как советские граждане оценивали международное положение СССР, противостояние с западным блоком и его отдельных представителей, как показывает статья Д.М. Нечипорука (Тюменский государственный университет) «После Сталина: советские люди в восприятии американских журналистов в 1950-е гг.». Получив после смерти Сталина возможность путешествовать по стране, иностранцы отмечали, что в беседах с ними простые люди с готовностью воспроизводили идеологические формулы, заимствованные из официальных средств массовой информации, по крайней мере в первые годы. В то же самое время, как описывает И.В. Нарский (Тюменский государственный университет) в своей статье «Советская танцплощадка 1950–1970-х гг., или Молодежь голосует ногами», в сфере танцевальной культуры — в области, которая не вовлекала непосредственно чрезвычайно важную для советского символического порядка фигуру «западного наблюдателя» [Голубев, 2018] — заимствование зарубежных форм шло активными темпами с середины 1950-х гг. Будучи воплощенными в иностранных журналистах, «Америка» и «Запад» вызывали среди многих советских людей неуверенность и, как следствие, стремление опереться на устойчивые дискурсивные формы из официальных источников. Однако оказавшись освоенными на уровне собственных телесных практик, западные (и не только — взять хотя бы йогу) движения, материалы, цветовые комбинации, способы взаимодействия с окружающим миром и, в конечном итоге, идеи оказывались гораздо менее пугающими и превращались в часть советской культурной и социальной реальности.

Этот процесс символического пересечения «железного занавеса» особенно ярко проявился в области потребления, о чем создан значительный массив

исследовательской литературы [Гурова, 2008; Chernyshova, 2013; Иванова, 2018]. Статья Е.А. Кулиничевой (НИУ ВШЭ) «“Всеобуч вкуса”: теория советской моды и эстетическое образование потребителя в позднем СССР (1960–1980-е гг.)» представляет собой важное дополнение к данной литературе. Вместе с работами А.К. Дежурко о советской мебели [Дежурко, 2021] статья Кулиничевой показывает, как происходила обратная интеграция СССР в область современного мирового дизайна, причем это движение имело отчетливо дидактический характер: воспитание советского человека как человека современного. Диалог с западной модой или дизайном позволял советским культурным деятелям формулировать нормативное советское понимание современности, которое и должны были осваивать и воспроизводить «обычные» советские люди. Опасность альтернативных идентичностей и форм социальной организации, в данном случае через протестантскую общину, заключалась в том, что они иллюстрировали, насколько иллюзорной была идея о возможности формирования единой и тотальной советской идентичности через определенный регистр определений от противного (советское как нерелигиозное, советское как неархаичное и т.д.). Неспособность справиться с ними в пределах законных методов (т.е. агитации и пропаганды) и взрывное появление новых культурных и социальных сообществ внутри советского общества в последние полтора-два десятилетия советской истории показывают, что общество и людей периода позднего (или развитого) социализма отличало то же самое культурное и социальное разнообразие, которое было характерно для других индустриальных и урбанизированных обществ глобальной модерности.

Последний тезис можно проиллюстрировать тем фактом, что в СССР была выстроена социальная инфраструктура, соизмеримая и сравнимая с западными аналогами (а во многом и превосходящая их по степени охвата населения), включавшая в себя системы образования и здравоохранения, популяризации научных знаний, социальной и географической мобильности, товарного снабжения и т.д. Тот факт, что между ними были существенные различия (советская медицина в конечном итоге не смогла добиться снижения смертности до уровня западных стран, а система товарного снабжения постоянно давала сбой), не должен затемнять глубинное структурное сходство между техниками управления населением. В конце концов, именно в СССР была разработана программа глобальной ликвидации оспы, принятая в качестве резолюции Всемирной организацией здравоохранения в 1959 г. и приведшая к полному уничтожению оспы к 1977 г. [Mapela, 2010], а советская идеология рационального потребления при всех своих недостатках позволила не только обеспечить советское население определенным товарным минимумом, но и привить вкус к современным практикам потребления (в дополнение к статье Е.А. Кулиничевой в этом номере см. также [Oushakine, 2014]). И в то время как в постсоветской России произошел существенный отход от сложившейся в советской время социальной медицины в сторону медицины коммерческой, именно советская модель здравоохранения стала одной из основ аналогичных моделей в Европе и Канаде (но не США), основанных на обязательном медицинском страховании [Jones, 2019, p. 41–90].

Если многие аспекты советского исторического опыта оказываются созвучными, современными и важными для понимания всемирной истории XX в., то, возможно, за внешним конформизмом и «футлярностью» Homo Sovieticus'a, которые любит подчеркивать значительная часть отечественной публицистики и отчасти историографии, стоит видеть не столько реальных людей, сколько литературные фигуры. Разумеется, будет ошибкой отрицать, что в советском обществе существовали и были широко распространены различного рода ксенофобии, консерватизм, страх и практики настороженности по отношению к «чужому», особенно в первое послевоенное десятилетие. Многие из них переживают возрождение в наши дни. Не замечать их так же неверно, как и превращать их в суть и основу понимания советских людей как исторического продукта своего времени. Ведь, в конце концов, советское общество не обладало монополией на разные формы страха и осторожности по отношению к внешнему миру. Можно вспомнить хотя бы маккартизм, который совпал по времени с политически спровоцированной ксенофобией в советском обществе и который — весьма символически — пошел на спад в середине 1950-х гг. Закрытость нельзя представить как ложную категорию применительно к советскому обществу. Но она была не единственной и, пожалуй, не самой важной категорией из способствующих нашему пониманию этого периода отечественной истории. Представляется, что вместо тотальной концепции об априорной «закрытости» советского человека антропологический опыт советского периода гораздо продуктивнее (аналитически) и убедительнее (эмпирически) рассматривать через формирование субъектных позиций институтами пропаганды, медицины, образования и т.д., а также появление зазоров между этими позициями и реальными практиками советских людей. Некоторые из этих позиций и зазоров могли провоцировать страхи и ксенофобию, другие — острый, неудержимый интерес по отношению к внешнему миру. Данный тематический номер журнала «Новое прошлое / The New Past» представляет собой важный шаг в изучении жизненных стратегий и повседневных практик, которые для обычных советских людей создавала включенность советского государства в исторический контекст глобальной модерности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза // *XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта — 9 апреля 1971 г. Стенографический отчет*. Т. 1. М.: Политиздат, 1971. С. 26–131.

Вахштайн В. С. Абортивная социология. Рецензия на книгу: Гудков Л. Абортивная модернизация // *Социология власти*. 2012. № 4–5. С. 274–279.

Геллер М. Машина и винтики: история формирования советского человека. London: Overseas Interchange LTD, 1985. 336 с.

Голубев А. В. НЛО над планетарием: эпистемологическая пропаганда и альтернативные формы знаний о космосе в СССР в 1940–1960-е годы // *Вестник Пермского университета. История*. 2021. № 3(54). С. 5–16.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 1.

ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 144а.

ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 456а.

ГАРФ. Ф. Р-9547. Оп. 1. Д. 787.

Громов Д.В. Люберецкие уличные молодежные компании 1980-х годов: субкультура на перепутье истории // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 4. С. 23–38.

Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 16–30.

Гурова О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 287 с.

Дежурко А.К. Становление и эволюция «современного стиля» в советском мебельном дизайне: 1956–1968 гг. Дис. ... на соискание уч. степ. канд. наук в области искусств и дизайна. Высшая школа экономики, 2021.

Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 456 с.

Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 297 с.

Кларк К. Москва, четвертый Рим: Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.

Козлова Н.Н. Советские люди: сцены из истории. М.: Европа, 2005. 526 с.

Митрохин Н. Советская интеллигенция в поисках чуда: религиозность и паранаука в СССР в 1953–1985 годах // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 163 (3). С. 24–37.

Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Мировой океан, 1993. 299 с.

Хоффманн Д. Возращение масс: модерное государство и советский социализм, 1914–1939. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 422 с.

Шалин Д.Н. Феноменологические основы теоретической практики: биокритические заметки о Ю. Леваде // *Вестник общественного мнения*. 2008. № 4. С. 70–104.

Brown K. Dispatches from dystopia: Histories of places not yet forgotten. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 198 p.

Brown K. Plutopia: Nuclear families, atomic cities, and the great Soviet and American plutonium disasters. Oxford: Oxford University Press, 2013. 406 p.

Chernyshova N. Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. London: Routledge, 2013. 259 p.

Christopher E. Cold War Holidays: American Tourism in France. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2004. 286 p.

Gilburd E. To see Paris and die: The Soviet lives of Western culture. Cambridge: Harvard University Press, 2018. 458 p.

Golubev A. *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2020. 240 p.

Jones E.W. *Radical Medicine: The International Origins of Socialized Health Care in Canada*. Winnipeg: APR Press, 2019. 378 p.

Manela E. A Pox on Your Narrative: Writing Disease Control into Cold War History // *Diplomatic History*. 2010. Vol. 34. Iss. 2. Pp. 299–323.

Oushakine S.A. "Against the Cult of Things": On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination // *The Russian Review*. 2014. Vol. 73. Iss. 2. Pp. 198–236.

Rogova A. How to Make Good Kids with Books: Post-Soviet Parenting and the Commodification of Children's Literature // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2016. Vol. 43. Iss. 2. Pp. 243–261.

Rogova A. *Russian-speaking immigrants in Canada: Belonging, political subjectivity, and struggle for recognition*. PhD Dissertation, University of British Columbia, 2020. 221 p.

Sandomirsky V. Sex in the Soviet Union // *Russian Review*. 1951. Vol. 10. Iss. 3. Pp. 199–209.

REFERENCES

Brezhnev L.I. Otchetnyj doklad Central'nogo Komiteta KPSS XXIV s'ezdu Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Sojuza [Current Report of the Central Committee of the USSR Communist Party to the Twenty-Fourth Congress of the USSR Communist Party], in *XXIV s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Sojuza. 30 marta–9 aprolja 1971 g. Stenograficheskij otchet. T. 1*. [The Twenty-Fourth Congress of the USSR Communist Party. March 30–April 9, 1971. Minutes of meetings. Vol. 1]. Moscow: Politizdat, 1971. Pp. 26–131 (in Russian).

Vahshtain V.S. Abortivnaja sociologija. Recenzija na knigu: Gudkov L. Abortivnaja modernizacija [Abortive Sociology. A review of: Gudkov L. Abortive modernization], in *Sociologija vlasti*. 2012. No. 4–5. Pp. 274–279 (in Russian).

Geller M. *Mashina i vintiki: istorija formirovanija sovetskogo cheloveka* [Cogs in the wheel: A history of the formation of the Soviet man]. London: Overseas Interchange LTD, 1985. 336 p. (in Russian).

Golubev A.V. NLO nad planetariem: epistemologicheskaja propaganda i al'ternativnyye formy znanij o kosmose v SSSR v 1940–1960-e gody [A UFO over a planetarium: Epistemological propaganda and alternative forms of knowledge about the outer space in the USSR from the 1940s–1960s], in *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*. 2021. No. 3(54). Pp. 5–16 (in Russian).

State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-9547. Inv. 1. D. 1.

GARF. F. R-9547. Inv. 1. D. 144a.

GARF. F. R-9547. Inv. 1. D. 456a.

GARF. F. R-9547. Op. 1. D. 787.

Gromov D.V. Ljubereckie ulichnye molodezhnye kompanii 1980-h godov: subkul'tura na pereput'e istorii [Street youth groups from Lyubertsy in the 1980s: A subculture at an historical intersection], in *Etnograficheskoe obozrenie*. 2006. No. 4. Pp. 23–38 (in Russian).

Gudkov L.D. "Sovetskij chelovek" v sociologii Jurija Levady [The "Soviet man" in Yuri Levada's sociology], in *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2007. No. 6. Pp. 16–30 (in Russian).

Gurova O. *Sovetskoe nizhnee bel'e: mezhdru ideologiej i povsednevnost'ju* [Soviet underwear: between the ideology and everyday life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 287 p. (in Russian).

Dezhurko A.K. *Stanovlenie i evoljucija "sovremennogo stilja" v sovetskom mebel'nom dizajne: 1956–1968 gg.* [The formation and evolution of the "modern style" in Soviet furniture design: 1956–1968]. Cand.Sc. dissertation. HSE University, 2021 (in Russian).

David-Fox M. *Peresekaja granicy: modernost', ideologija i kul'tura v Rossii i Sovetskom Sojuze* [Crossing Borders, Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 456 p. (in Russian).

Ivanova A. *Magaziny "Berezka": paradoksy potreblenija v pozdnem SSSR* [Berezka stores: paradoxes of consumption in the late USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 297 p. (in Russian).

Clark K. *Moskva, chetvertij Rim: Stalinizm, kosmopolitizm i jevoljucija sovetskoj kul'tury (1931–1941)* [Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 520 p. (in Russian).

Kozlova N.N. *Sovetskie ljudi: sceny iz istorii* [Soviet people: historical episodes]. Moscow: Evropa, 2005. 526 p. (in Russian).

Mitrohin N. *Sovetskaja intelligencija v poiskah chuda: religioznost' i paranauka v SSSR v 1953–1985 godah* [Soviet intelligentsia in search of a miracle: religiosity and parascience in the USSR in 1953–1985], in *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2020. No. 163 (3). Pp. 24–37 (in Russian).

Sovetskij prostoj chelovek. Opyt social'nogo portreta na rubezhe 90-h [The Soviet common person. A social study at the turn of the 1990s]. Ed. by Ju.A. Levada. Moscow: Mirovoj okean, 1993. 299 p. (in Russian).

Hoffmann D. *Vzrashhivanie mass: modernoe gosudarstvo i sovetskij socializm, 1914–1939* [Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 422 p. (in Russian).

Shalin D.N. *Fenomenologicheskie osnovy teoreticheskoi praktiki: biokriticheskie zametki o Ju. Levade* [Phenomenological foundations of theoretical practice: Biocritical notes on Yuri Levada], in *Vestnik obshhestvennogo mnenija*. 2008. No. 4. Pp. 70–104 (in Russian).

Brown K. *Dispatches from dystopia: Histories of places not yet forgotten*. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 198 p.

- Brown K. *Plutopia: Nuclear families, atomic cities, and the great Soviet and American plutonium disasters*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 406 p.
- Chernyshova N. *Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era*. London: Routledge, 2013. 259 p.
- Christopher E. *Cold War Holidays: American Tourism in France*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2004. 286 p.
- Gilburd E. *To see Paris and die: The Soviet lives of Western culture*. Cambridge: Harvard University Press, 2018. 458 p.
- Golubev A. *The Things of Life: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2020. 240 p.
- Jones E.W. *Radical Medicine: The International Origins of Socialized Health Care in Canada*. Winnipeg: APR Press, 2019. 378 p.
- Manela E. A Pox on Your Narrative: Writing Disease Control into Cold War History, in *Diplomatic History*. 2010. Vol. 34. Iss. 2. Pp. 299–323.
- Oushakine S.A. "Against the Cult of Things": On Soviet Productivism, Storage Economy, and Commodities with No Destination, in *The Russian Review*. 2014. Vol. 73. Iss. 2. Pp. 198–236.
- Rogova A. How to Make Good Kids with Books: Post-Soviet Parenting and the Commodification of Children's Literature, in *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2016. Vol. 43. Iss. 2. Pp. 243–261.
- Rogova A. *Russian-speaking immigrants in Canada: Belonging, political subjectivity, and struggle for recognition*. PhD Dissertation, University of British Columbia, 2020. 221 p.
- Sandomirsky V. Sex in the Soviet Union, in *Russian Review*. 1951. Vol. 10. Iss. 3. Pp. 199–209.

Статья принята к публикации 30.11.2021